

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2410-7395-2019-4-42-64>

РОСТ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО ВЛИЯНИЯ КИТАЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ПЛЮРАЛИЗМ МНЕНИЙ

Л. Л. Разумнова

Московский авиационный институт, Москва, Россия

Т. Е. Мигалева

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова,

Москва, Россия

Возрастающее политическое и экономическое влияние Китая на развитие международных экономических отношений при сохранении относительной закрытости китайской экономики и нежелании КНР предоставлять доступ на национальный рынок на принципах взаимности становится важной темой научных и общественных дискуссий среди западных и российских ученых. Цель исследования – проанализировать взгляды современных ученых на усиление мирового влияния КНР как нового политического игрока и выявить возникающие в связи с этим противоречия во внешнеэкономической сфере. Методологическую основу статьи составляют общенаучные приемы анализа и синтеза, методы обобщения и сравнения, исторический и логический подходы к рассматриваемым явлениям, что позволяет выявить противоречия и обозначить проблемы, с которыми может столкнуться Россия в связи с расширением глобальной экономической экспансии КНР. Авторами обосновывается необходимость использования опыта зарубежных стран по защите своих национальных интересов в сфере создания механизмов отбора зарубежных инвестиций, способных оказывать негативное влияние на экономику как принимающей страны, так и стран, входящих в интеграционные соглашения. В статье даются практические рекомендации для России, касающиеся построения взаимовыгодного эффективного инвестиционного сотрудничества с КНР.

Ключевые слова: США, ЕС, Россия, центр и периферия, «Один пояс – один путь», двойная идентичность, скрининг ПИИ, негативная взаимность, китайская мечта, «мягкая сила».

THE RISE OF CHINA'S POLITICAL AND ECONOMIC INFLUENCE IN THE MODERN WORLD: PLURALISM OF OPINIONS

Lyudmila L. Razumnova

Moscow Aviation Institute, Moscow, Russia

Tatyana E. Migaleva

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

The increasing political and economic influence of China on the international economic relations, whilst remaining the relative closeness of its economy and reluctance to provide

reciprocal access to the national market, is becoming an important topic for discussion among Western and Russian researchers. The purpose of the study is to analyze the modern scientific view on growing influence of the PRC worldwide as a new political player, as well as to identify contradictions arising in the world economy. The methodological basis consists of general scientific methods of analysis and synthesis, generalization and comparison methods, historical and logical approaches to the examined phenomena, which allow to identify contradictions and problems that Russia could face due to China's global economic expansion. The authors substantiate the need for Russia to use the experience of other country in protecting its national interests throw creating mechanisms for foreign investments screening, as those investment can have negative impact on the recipient economy and its integration partners. The article provides recommendations for Russia on how to develop the mutually beneficial and effective investment cooperation with China.

Keywords: the USA, EU, Russia, center and periphery, BRI, double body, FDI screening, negative reciprocity, chinese dream, «soft power».

Победит тот, у кого верхи и низы горят одним и тем же желанием.
«Искусство войны» Сунь Цзы

Введение

Глобальные тенденции экономического возвышения Азии и ослабления стран Запада, повлекшие за собой исчезновение биполярного противостояния в мире, существенно усложнили расклад сил на мировой арене и создали временный идеологический вакуум, выдвинув на повестку дня большое количество новых проблем и оживив, казалось бы, ушедшие в небытие противоречия. Как отмечает член-корреспондент РАН Р. И. Хасбулатов, одними из ключевых факторов, оказывающих влияние на всю систему мировой экономики и международных экономических отношений (МЭО), являются формирование новых центров силы и притяжения, вызывающее сильнейшее раздражение во влиятельных кругах мировой политики; ускоренная политизация системы МЭО; подрыв международных торгово-экономических регуляторов; беспрецедентное падение доверия между влиятельными экономическими державами и, наконец, девальвация международных договоров и соглашений [17. – С. 11].

В этой парадигме глобальной трансформации находится и проблема самоидентификации именно тех наций и государств, положение которых существенно меняется на политической арене и в системе МЭО. Такие страны, как Россия, Китай, Иран, Бразилия, Украина стремятся играть более важную роль в международных отношениях. Поэтому вполне закономерно появление запроса мирового сообщества, как отмечает президент России В. В. Путин в своей речи на Валдайском форуме в октябре 2019 г., на создание системы, при которой различные ценности, идеи, традиции сосуществуют, взаимодействуют и обогащают друг друга¹.

¹ Россия – страна-цивилизация. О чем Владимир Путин говорил на заседании клуба «Валдай». XVI Заседание Клуба «Валдай». 3 октября 2019 г. – URL: <https://tass.ru/politika/6960522>

Представляется, что в совокупности вышеперечисленные факторы приводят к растущей глобальной хаотизации в международных отношениях и снижению качества глобального регулирования [15. – С. 5]. Проблемы, которые возникают в экономике трансформирующегося Китая как одного из ключевых субъектов мирового хозяйства в силу масштабов его геоэкономической активности и культурно-исторического бэкграунда, могут в наибольшей степени оказывать как положительное, так и отрицательное воздействие на реализацию разнонаправленных интересов различных государств. Пример стратегического взаимодействия России и КНР на протяжении последних лет демонстрирует построение устойчивых дружеских отношений между соседними странами, имеющими существенные отличия в экономическом потенциале и национальном менталитете. Однако такой характер сотрудничества не исключает различия в целях и интересах этих контрагентов.

Центр и периферия

Говоря о научном наследии ушедшего из жизни 31 августа 2019 г. известного исторического социолога Иммануила Валлерстайна, директора Института глобализации и социальных движений Борис Кагарлицкий отметил, что научный путь этого ученого начался с попытки дать ответ на вопрос, что же не так с развитием Африки [6]. В настоящее время эволюция мировой экономики вплотную приближает нас к тому моменту, когда нерастроченный потенциал Черного континента готов взорвать старые представления о нищете и несправедливости этой колыбели человечества. Неслучайно в выступлении председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН 28 сентября 2015 г. в Нью-Йорке особый акцент был сделан на африканский регион, а также было подчеркнуто, что «Китай будет и впредь стоять плечом к плечу с развивающимися странами, твердо поддерживать их расширенное представительство и право голоса, особенно в отношении африканских стран в международной системе управления». До 2020 г. КНР обязуется предоставить Африканскому союзу безвозмездную военную помощь в сумме 100 млн долларов на создание африканских сил постоянной готовности и быстрого реагирования в кризисных ситуациях¹. Однако расцвет этого континента наступит значительно позже, чему будут способствовать строительство Морского Шелкового пути, развитие современных агрохолдингов и мощностей зеленой энергетики, увеличение товаропотока в рамках планируемой зоны свободной торговли Европа – Африка и др. Пока же

¹ Совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша, создание сообщества единой судьбы. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН. 28 сентября 2015 г., Нью-Йорк. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>

нехватка финансовых средств, неразвитая производственная база и инфраструктура, неустойчивость цен на сырьевые товары, высокая безработица, стихийные бедствия и этнические конфликты, коррупция и нестабильность политических систем составляют факторы высокой уязвимости африканских экономик [11. – С. 24–35].

Сегодня мы наблюдаем опровержение устоявшихся в 1990-х гг. мнений о полной и окончательной победе модели западной демократии [13. – С. 10] и тезиса о невозможности достижения мирового лидерства странами, проповедующими любые, кроме буржуазных ценностей, для построения процветающего общества. Речь идет прежде всего о таких тенденциях, как растущее политическое влияние КНР, усиление левых настроений среди западных политиков, а также попытке российского руководства возродить былое могущество на базе имперских традиций и политико-экономической консолидации Российской Федерации со странами, которые еще пару десятилетий назад экономисты называли слабо-развитыми, деликатно заменяя этот термин на «развивающиеся», «страны третьего мира» или «развивающиеся рынки». Именно слабо-развитость, оцениваемая низкими показателями ВВП на душу населения, почти идеально коррелировалась с подчиненными позициями этих стран в международном разделении труда и их положением на периферии глобального капитализма, что превращало их в субъекты технологической и финансовой зависимости от стран ядра и хорошо отлаженный механизма перекачки всех видов первичных ресурсов в мировой экономический центр.

Огромный разрыв в уровнях экономического развития ядра и «неоколоний» долгое время позволял Западу с выгодой для себя продвигать идеи либерализма в отношениях со странами периферии и манипулировать демократическими ценностями, оттачивая искусство двойных стандартов без страха, что когда-нибудь их идеологическое оружие обратится против них самих. Так, детально изученное в 80-х гг. XX в. явление капиталоизбыточности нефтяных монархий Аравии, долгое время не находивших приложения возрастающему притоку нефтедолларов в национальные экономики и перекачивающих их большую часть на рынки Запада и их сателлитов [2], на самом деле поддерживалось отсутствием или, переходя к негативной коннотации этого понятия, избыточностью для автократий демократических свобод для выполнения функции поставщиков ресурсов в индустриальные мировые центры. Вместе с тем западные политики были убеждены, что буржуазные ценности «в недалеком будущем будут полностью привиты к стволу древней, глубоко религиозной и в значительной мере племенной структуры, не вызвав при этом в конечном счете кризиса» [13. – С. 15].

Возрастающая роль КНР

В текущем десятилетии современный Китай перевернул представление о том, что авторитарные режимы будут все время выполнять отведенную им роль политического адаптера отстающих в технологическом и ментальном отношении восточных стран к транслирующему новейшие достижения современной цивилизации западному центру. Это стало очевидно, когда принятая в 1999 г. конгрессом США стратегия Шелкового пути (Silk Road Strategy Act) в целях усиления американского влияния в Центральной Азии и на Южном Кавказе [19. – С. 60], неожиданно переродилась сначала в часть национальной китайской стратегии развития («идти во вне») и неопасные для Запада логистические региональные проекты, а затем – во вполне рабочий инструмент замены мирового лидера, Соединенных Штатов Америки, на одну из самых некогда бедных среди стран третьего мира, Китай, в отношении граждан которой в начале XX в. действовал дискриминационный миграционный закон, запрещающий въезд на территорию США.

Специфика текущего момента заключается в том, что периферия начинает все больше влиять на развитые страны не только экономически, но и политически. Поэтому проблема усиления авторитарных режимов все больше беспокоит политиков и экономистов стран Запада. Многие эксперты озабочены тем, что в последнее десятилетие либеральные ценности были поставлены под сомнение странами, которые встали на рыночный путь развития. Поэтому современный этап буксующей глобализации и расцвета регионализма можно считать не концом истории и победой западной демократии, согласно Ф. Фукуяме, а началом новой истории цивилизационного противостояния старого Запада и возрастающего Востока как отдельных культурно-политических сфер, где Запад – это сообщество слабых либерально-демократических государств, а Восток – консолидирующийся союз авторитарий.

Вокруг проблемы усиления влияния авторитарных режимов на современное мироустройство в западной научной литературе развернута широкая дискуссия.

Так, Тобиас Лехнер отмечает три угрозы для западных обществ со стороны развивающихся государств с авторитарными режимами, включая отсутствие баланса между репрессивными/ либеральными методами управления и перераспределением материальных ресурсов; возможность для национальных элит беспрепятственно использовать экономики западных стран для отмывания денег и других незаконных операций; превращение этих режимов в клиптократические, характеризующиеся постоянным выводом элитами из национальной экономики огромных финансовых средств с помощью различных механизмов гло-

бальной экономики (через международные финансовые рынки, офшорные юрисдикции и пр.), что препятствует эффективному государственному управлению¹ [3; 27. – Р. 30].

В последних базовых документах по национальной безопасности США (Стратегия национальной безопасности (СНБ), Стратегия национальной обороны (СНО) и Обзор ядерной политики (ОЯП)) Китай рассматривается как большой вызов для США, чем Россия, которая неизменно упоминается в связке с Китаем. По заявлениям ЦРУ и американских экспертов, Китай ведет холодную войну против США и стремится заменить США в качестве глобального лидера, принимая новую военно-политическую доктрину, предусматривающую создание зарубежного воинского контингента, в частности, расширяя строительство военных баз в Африке и Латинской Америке [22. – С. 59].

Вызывают интерес результаты исследования Эндрю Гранта развивающейся инфраструктуры КНР на основе картографического метода. Грант выявляет наличие двойственной идентичности (*double body*) КНР – национальной (*nation-state*) и геополитической (*civilization-state*) – и делает вывод о том, что неограничивающий себя территориальными границами и стремящийся обогатить своих соседей Китай на основе культурного обмена и построения трансграничной инфраструктуры все больше идентифицирует себя с государством-цивилизацией.

Так, исследователь обращает внимание на то, что КНР на некоторых картах, изображающих инфраструктуру проекта «Один пояс – один путь» (ОПОП), не отмечает государственные границы с целью передачи ощущения пространственной однородности и обоснования наличия цивилизационных связей в транспортных маршрутах, вместо того, чтобы подчеркивать национальное территориальное единство в рамках своих собственных границ [21. – Р. 390–391]. Попытки Китая изобразить мир как безграничное пространство для движения капитала в условиях быстрого движения к глобальному лидерству вызывают различные опасения и дискуссии относительно того, каким образом китайская цивилизация будет переделывать этот мир, в котором его сила и влияние существенно возрастают.

В качестве небеспочвенности этих опасений Грант приводит слова китайского теоретика Тиньян Чжао [33] о том, что восстановление центральных политических позиций Китая позволит ему предложить миру международную политическую систему, основанную на древней системе Поднебесной (*tianxia*)², т. е. институциональной модели, в которой государства гармонично борются за «конфуцианское улучшение» [30], что в

¹ URL: <http://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/>

² «Тянься» для многих писателей-китаистов выражает абстрактное понятие, воплощающее идею высшего морального авторитета, который руководит поведением в цивилизованном мире, а не империю.

конечном итоге приведет человечество к бесконфликтному миру глобальной экономической интеграции.

Вместе с тем Грант находит в китайских публикациях подтверждение второму подходу к самоидентичности Китая как национальному государству. Так, в *Logistic Times* Гранта привлекают критические замечания китайского журналиста Д. Янга относительно продажи российских акций РЖД, которую он называет самокастрацией (*huidao zigong*) [32]. Это высказывание Грант трактует как напоминание китайскому населению об опасности неограниченной мобильности [21. – Р. 390]. По нашему мнению, это явное указание на необходимость сохранения государственного контроля над национальной инфраструктурой.

Совсем иначе Китай ведет себя, когда пытается получить доступ к зарубежным активам, включая транспортную и энергетическую инфраструктуру европейского региона, и установить над ними контроль.

Первоначально страны ЕС рассматривали присутствие китайских инвестиций в основном с точки зрения положительных экономических эффектов, как источник новых возможностей и экономического роста, включая создание и/или поддержание рабочих мест, использование капитала для исследований, развитие инноваций, налоговых поступлений для ограниченных в средствах правительств, расширение сбыта товаров в Китае и на третьих рынках, построение и улучшение европейской инфраструктуры [26. – Р. 11]. Существенный рост китайских ПИИ в странах Евросоюза стал отмечаться лишь в последнем десятилетии и в 2016 г. показал максимум в 37 млрд евро (рис. 1).

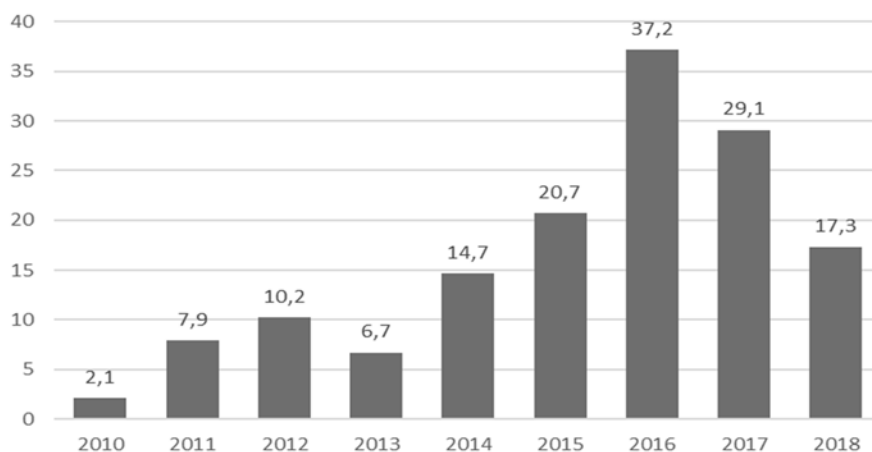

Рис. 1. Годовой объем китайских ПИИ в ЕС 28, млрд евро [23. – Р. 10].

При этом акценты в изучении мотивов и влияния китайских инвестиций на европейскую безопасность и технологическое лидерство ЕС

смещаются к негативным оценкам. Риски, которые несут в себе инвестиции из КНР, связаны с такими факторами, как доминирующая роль китайского государства в экономике; структурные дисбалансы в экономике КНР; отсутствие взаимности и честной конкуренции; особый интерес китайских инвесторов к критической инфраструктуре и чувствительным технологиям, включая поддерживающие технологии (*enabling technologies*); внутриевропейская борьба за инвестиции из КНР, потенциальная возможность использовать инвестиции как источник политического и геополитического влияния и др. [26. – Р. 12].

Эксперты ЕС отмечают, что развитие взаимовыгодного китайско-европейского сотрудничества будет сдерживаться не столько растущим влиянием китайского государства, устанавливающего тесную связь между правительством, вооруженными силами и государственными/частными предприятиями КНР путем поддержания патриотических настроений, сколько сохранением дискриминационных для иностранных инвесторов правил, в соответствии с которыми контракты на государственные закупки отдаются китайским компаниям, что доказывает их тесную связь с правительством. Европа конечно же не претендует на то, чтобы настаивать на изменении политической системы КНР, однако высказывает обеспокоенность в связи с отсутствием юридической защищенности западных инвесторов в условиях, когда в Китае все еще действует «правление закона», а не «власть закона» [9].

Несмотря на разговоры о взаимной открытости и честной игре, создании единого игрового поля в случае, если Китай будет сохранять закрытость и не предоставит симметричный доступ к своему рынку для европейских товаров и инвестиций, а также продолжит оказывать государственную поддержку национальным компаниям, бюрократия ЕС будет вынуждена перейти к методам политики негативной взаимности (*negative reciprocity*), подобно той, которую в настоящее время демонстрирует администрация США [29].

Первый шаг в этом направлении был сделан несколько лет назад, о чем свидетельствует тот факт, что количество обменов, по оценке уязвимости стратегических активов по странам, между европейскими разведывательными службами в рамках неофициального объединения европейских офицеров разведки Клуба Берна (*the Club of Bern*) в последнее время постоянно увеличивается. Вторым шагом в сторону усиления протекционизма по отношению к китайским инвестициям стало усиление барьеров на уровне законодательства высших органов управления ЕС.

С целью защиты системы безопасности и общественного порядка, а также координации и осуществления сотрудничества по отбору (*скринингу*) притока прямых иностранных инвестиций в ЕС из третьих стран в сентябре 2017 г. Европейская Комиссия предложила принять новый законопроект для определения общего европейского механизма отбора

прямых иностранных инвестиций в ЕС [28]. В марте 2019 г. закон был одобрен Европейским парламентом и Советом ЕС и вступил в силу 11 апреля 2019 г. Важно отметить, что закон позволяет государствам – членам ЕС сотрудничать и помогать друг другу в тех случаях, когда прямые иностранные инвестиции в одном государстве – члене Союза могут затронуть систему безопасности или общественный порядок в других государствах Евросоюза. Однако окончательное решение относительно любого скрининга ПИИ или любой меры, принятой относительно исключенных из отбора, остается прерогативой государства, где прямые иностранные инвестиции запланированы или осуществлены [23].

Очевидно, что имплементация данного закона и отработка механизма скрининга с учетом широкого круга участников ЕС, а также отсутствие в настоящий момент координации региональных политик в таких критически важных отраслях, как энергия, транспорт или телекоммуникации, на которые нацелены китайские инвестиции, займут достаточно много времени и не исключают случаи потери контроля со стороны европейских национальных правительств над этими секторами. Эффективной реализацией данного закона будет препятствовать отсутствие методологии учета китайского капитала по всем формам инвестирования, которые не ограничиваются только ПИИ, но включают такие виды финансовых вложений, как ссуды, венчурный капитал, инвестиции по программам «Золотая виза» (*Golden Visa programs*), а также приватизацию предприятий [7; 24]. О возможности появления проблем, связанных с внедрением подобных законов, свидетельствует процесс имплементации Третьего энергетического пакета ЕС (2009), изменения и дополнения в который вносятся на протяжении последних десяти лет. Европейские эксперты полагают, что сейчас преимущества – у китайской стороны; при этом они все еще ожидают ответных действий от руководства КНР по либерализации инвестиционного законодательства.

Нарратив китайского руководства о современных принципах международного сотрудничества, многие из которых транслируются в связи с реализацией проекта «Один пояс – один путь», насыщен такими фразами, как «совместное формирование новых партнерских отношений сотрудничества и взаимного выигрыша», «создание сообщества единой судьбы», «дорога к процветанию», «дорога инноваций», «взаимная выгода и всеобщий выигрыш», «инклюзивность», «справедливая, равноправная и прозрачная система международной торговли и инвестиционных правил»¹.

¹ Совместное продвижение строительства «Пояса и пути» : программная речь председатель КНР Си Цзиньпина на открытии Форума высокого уровня по международному сотрудничеству в рамках «Пояса и пути» в 2017 г. – URL: <https://inosmi.ru/politic/20170519/239391693.html>; http://russian.news.cn/2017-05/14/c_136282488.htm

По словам председателя КНР Си Цзиньпина, проект возрождения Шелкового пути не станет соло, а будет настоящим хором всех стран по маршрутам ОПОП¹.

Представляется, что квинтэссенция китайской стратегии в рамках данного проекта ясно выражена в ранее используемом слогане министра иностранных дел Ван И (2014) «Один пояс – одна мечта», объединившего стратегию Дэн Сяопина по достижению общества всеобщего благоденствия (*фуюйшэжуэй*) и проект возрождения Шелкового пути. Этот подход подтверждается словами Си Цзиньпина о том, что китайский народ численностью более 1,3 млрд человек борется за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации² в условиях, когда КНР вынуждена адаптироваться к «новой нормальности», т. е. развиваться путем оптимизации и модернизации структуры экономики в условиях замедляющихся темпов экономического роста³.

Экономические выгоды КНР в случае успешной реализации этого проекта не вызывают сомнений – ее товарооборот со странами, расположенными вдоль Шелкового пути, к 2030 г. может удвоиться и достичь 2,5 трлн долларов. По итогам 2018 г. КНР занимает 1-е место среди поставщиков и 2-е место после США среди покупателей продукции из стран ЕС с рыночной долей 19,9 и 10,7% соответственно (рис. 2а и 2б).

На китайском рынке товары из ЕС занимают доминирующее положение – 12,8%, далее идут азиатские страны – Южная Корея (9,5%), Япония (8,5%), Тайвань (8,3%) и только на 5-м месте США с долей 7,3%. Однако наибольшая доля китайских товаров поступает на рынки США (19,2%) и почти на 3% меньше – доля ЕС (рис. 2в и 2г). Строительство высокоскоростной магистрали Пекин – Москва – Берлин – Париж – Роттердам, которое будет завершено в 2025 г., сократит время поставки китайских товаров в Европу с 15–20 до 3–4 дней.

Как это отразится на состоянии конкуренции на рынках европейских стран? Будет ли вытеснена американская продукция с рынков ЕС китайскими поставщиками? Как это повлияет на российскую экономику? Эти вопросы требуют тщательного изучения.

В качестве одного из преимуществ участия ЕС в проекте ОПОП глава китайского правительства Ли Кэцян, выступая на конференции в Давосе в январе 2015 г., отметил возможность для европейских стран провести структурные реформы и выбраться из долговой трясины [1. – С. 18].

¹ Речь председателя КНР Си Цзиньпина на церемонии открытия ежегодного совещания Боаоского азиатского форума -2015. – URL: <http://www.news.cn>

² Выступление председателя КНР Си Цзиньпина в ходе дебатов на 70-й Генассамблее ООН 28 сентября 2015 г. – URL: <http://ru.china-embassy.org/rus/ztbd/QQ13/t1320669.htm>

³ URL: https://asia-business.ru/lenta/china/2015/01/28/news_1840.html

В апреле 2019 г. по итогам 21-й встречи лидеров Китай – ЕС Ли Кэцян озвучил совместную с Евросоюзом договоренность о создании бизнес-сферы справедливой конкуренции, а также предложил принять недискриминационные меры в отношении зарубежных предприятий и продолжить расширять открытость, сокращая негативный список для иностранных инвестиций, предоставляя равные услуги для отечественных и иностранных предприятий¹.

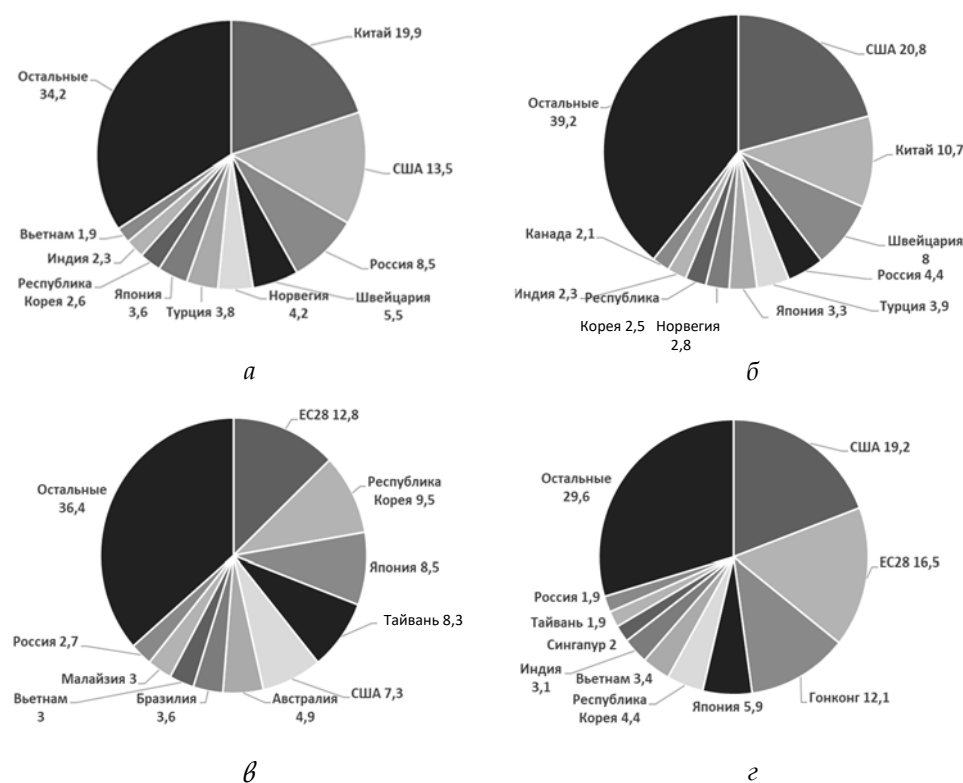

Рис. 2. Географическая структура товарного импорта и экспорта ЕС и КНР, 2018 г. (в %): а – импорт ЕС; б – экспорт ЕС; в – импорт Китая; г – экспорт Китая

В продвижении своих интересов во вне Китай активно использует «мягкую силу». Принимая во внимание печальный опыт распада СССР, руководство КПК осознает, что Китай перешел в фазу замедления роста и сложной трансформации социальной структуры, поэтому активизирует обсуждение вопросов о будущем политическом устройстве и умень-

¹ URL: <https://tass.ru/politika/6960596> http://russian.news.cn/2019-04/10/c_137965499.htm

² Составлено по данным Eurostat Comext. Источник: European Union. European Commission. Trade in goods with China. Directorate-General for Trade. – URL: <https://ec.europa.eu/>

шении госконтроля над информационными потоками. В своем стремлении сохранить мобилизационные возможности населения китайское руководство выстраивает свою «мягкую силу» одновременно на двух противоположных принципах – индивидуализме и коллективизме, – поощряя индивидуальное предпринимательство и пропагандируя идеал «большой китайской семьи», где все работают на достижение общей цели. Таким образом, концепция «мягкой силы» в КНР не только работает на внешний имидж страны, но пытается превратить «сердцевинные ценности социализма» в инструмент консолидации китайского общества», способного противостоять угрозам извне [27. – С. 31–32].

Разработанная китайским ученым Хуан Цзофэном модель «мягкой силы» КНР на основе теории комплексной мощи государства как сочетание «жесткой силы», «мягкой силы» и координирующей силы государства (модель с китайской спецификой) при отсутствии демократических свобод, авторитарной опеки СМИ со стороны властей и низком влиянии НКО, отличается от модели «мягкой силы» ЕС и США и, на наш взгляд, не способствует формированию привлекательного имиджа мирового лидера. Вместе с тем по своим методам она близка современному варианту «мягкой силы» США, отказавшимся от использования в основном «умной силы» и ненасильственных методов после того, как на Ближнем Востоке прокатилась волна цветных революций. Анализ макроэкономической динамики КНР в 2018 г. показал, что в ближайшие годы руководство Поднебесной попытается улучшить деловые настроения с помощью финансовых инструментов и сдержать отток капитала из страны. Трудной задачей станет регулирование рынка труда, на который в 2019 г. вольется порядка десяти миллионов выпускников вузов, что окажет серьезное давление на занятость [14. – С. 134–140].

Результаты исследований иностранного члена РАН А. А. Акаева и члена-корреспондента РАН В. А. Садовниченко показали, что достижение «китайской мечты» – общества всеобщей зажиточности, которое запланировано Дэн Сяопином на 2030–2050 гг., а китайским правительством – к столетию образования КНР в 2049 г., станет возможным лишь при увеличении ВВП в четыре раза за период 2020–2050 гг., что может быть достигнуто только за счет 4,5–6,5% темпов роста в 2021–2032 гг. и 3,5–4,5% в 2033–2050 гг.; при этом товарооборот должен развиваться на уровне 6 и 4,5% до 2032 и до 2050 г. соответственно. Это невозможно сделать только на базе роста внутреннего спроса, который становится основным источником экономического роста. Поэтому основным инструментом поддержания умеренных темпов роста и построения полноценного информационного общества к середине текущего столетия наряду с программой «Сделано в Китае - 2025», «Интернет+», «Индустрия 4.0» должен стать проект ОПОП. Таким образом, в этот период Китай будет опираться на

растущее внутреннее потребление и пошатнувшийся в результате торговой войны с США внешний спрос, т. е. развивать экономику, опираясь на два колеса [1. – С. 5–8].

Возможность расширения рынков сбыта для китайской продукции в результате реализации проекта Шелкового пути не вызывает сомнения. В то же время И. Чубаров и Д. Калашников считают, что даже в том случае, если Китай сможет обеспечить достаточное финансирование для реализации своих планов и приобретет за счет иностранных инвестиций высокотехнологичные европейские и американские компании, это не сможет гарантировать его национальным компаниям достижения тех ключевых позиций, которые занимают в настоящее время западные ТНК в глобальных цепочках стоимости (ГЦП), и потребует от Китая участия в проведении масштабной промышленной модернизации стран периферии [18. – С. 27].

По мнению члена-корреспондента РАН Л. Л. Фитуни, одним из возможных вариантов развития новой глобальной инфраструктуры в рамках проекта Шелкового пути в субрегионе Красноморья станет превращение Африки в новый очаг нарастающего соперничества между мировыми державами. Крупнейшим экономикам Африки – ЮАР, Египту, Нигерии, Эфиопии – Китай отводит ключевую роль в одном из направлений Шелкового пути. КНР осознает, что в случае развязывания войны с США произойдет блокировка традиционных морских путей. Военная база в Джибути, стоимость которой обойдется Китаю в 600 млн долларов, станет точкой обслуживания китайских судов и позволит осуществлять контроль над судоходством в Суэцком канале. Планируемое расширение военного присутствия КНР путем строительства баз в Танзании, Кении, Намибии, Нигерии, Анголе и Мозамбике будет обеспечивать эвакуацию китайских граждан из Африки в случае возникновения конфликтов, в том числе с США [16. – С. 6–9].

В настоящее время сложно достоверно оценить масштабы присутствия КНР в Африке. В исследовании С. Игнатьева и С. Луконина отмечается, что расширение инвестиционной активности китайских малых и средних компаний в этом регионе начиная с конца 2000-х гг. практически не зависит от китайских властей и проходит вне рамок государственных программ и китайско-африканских соглашений на высшем уровне, что позволяет говорить о значительном занижении официальных статистических данных китайских ПИИ в этом регионе [5. – С. 6].

Наконец, поступательное развитие инновационного, научно-технического и военно-технического потенциала Китая в направлении мирового лидерства – вхождение в 2018 г. КНР в двадцатку стран по Глобальному индексу инноваций с учетом второй позиции после США по количеству инновационных кластеров, а также демонстрация военной силы при проведении парада в честь 70-летия образования КНР (участие 15 тыс. военнослужащих, 580 единиц техники и 169 боевых самолетов, включая

ударный беспилотник Lijian, разработка которого заняла десять лет), а также успехи в других отраслях экономики свидетельствуют о том, что Китай уже сейчас обладает достаточным технологическим уровнем для расширения экономической экспансии и защиты будущих завоеваний.

Какова роль России?

Расширяя свое политическое и экономическое присутствие во многих форматах (БРИКС, ШОС, ОДКБ), Россия в своем движении вперед следует древней китайской поговорке, согласно которой, длинный путь можно пройти, только совершая шаг за шагом. В своих долгосрочных планах Российская Федерация может рассчитывать лишь на скромные темпы роста на уровне 1–2% в год, что обеспечит ей, по прогнозам МВФ, не выше 12-го места в мировом рейтинге стран. При этом она может выполнять роль связующего звена между противоречивыми интересами нового экономического центра в составе Бразилии, России, Индии, Китая и Южной Африки, образующих пока еще достаточно шаткую в институциональном отношении конструкцию БРИКС.

Вполне вероятно, что эта структура, обладая высоким интеграционным потенциалом сотрудничества, включая осуществление совместных усилий по реформированию мировой финансово-экономической системы, является прообразом G5 глобальной периферии и сможет оказывать позитивное влияние на формирование нового многополярного мира [10. – С. 68]. Недостаточность собственного экономического потенциала не позволяет России играть ключевую роль на рынках АТР и БРИКС, однако как ядерная держава и стратегический союзник Китая она вольно или невольно осуществляет военно-стратегическую поддержку экономического рывка КНР и позволяет сдерживать расходы на национальную оборону. Притом что в 2019 г. военный бюджет Китая в стоимостном выражении в пять раз превышал российский (2, 948 против 0,304 трлн долл.), его доля в государственных расходах была в два раза меньше военных расходов Российской Федерации – 7,8% против 15,1%¹. В будущем Россия сможет обеспечивать поддержание баланса между Китаем и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Вместе с тем следует обратить внимание на то, что такие факторы, как уникальные по своим масштабам природные богатства, недостаточно освоенные территории Сибири и Дальнего Востока, а также высокий уровень безопасности доставки грузов по этим территориям являются привлекательными как для Запада, так и для азиатских стран и могут рассматриваться в качестве «приза» в Большой геополитической игре. Борьба за влияние на Россию способна привести к дестабилизации обстановки в Евразийском регионе, а также попыткам со стороны западных

¹ Рассчитано по: URL: http://fincan.ru/articles/84_byudzhety-stran-mira-na-2019-god/

стран подогреть антикитайские настроения и таким образом повлиять на российскую стратегию на восточном направлении.

С точки зрения экономического влияния КНР на Россию вызывает интерес, сделанный в исследовании иностранным членом РАН А. А. Акаевым и членом-корреспондентом РАН В. А. Садовничим, вывод относительно чрезмерной зависимости от китайского промышленного импорта, который в силу высокой конкурентоспособности китайских товаров становится для нашей страны практически безальтернативным направлением дальнейшего развития внешнего товарообмена [1. – С. 32]. Эта негативная тенденция во внешней торговле России может быть преодолена или путем ускоренного импортозамещения, что, вероятно, приведет к снижению качества и росту цен на замещаемую аналогичную продукцию, или путем создания совместных производств на территории России, что, как показывает практика других реципиентов китайских ПИИ, имеет не только выгоды, но и очевидные риски.

Выводы и рекомендации

По прогнозам И. Валлерстайна, мировая система капитализма, относительно бесконфликтно эксплуатирующая свою периферию в течение прошедшего столетия, рухнет примерно в середине текущего столетия; однако описать это новое лицо мировой экономики он не смог. Образ и принципы формирующегося нового экономического порядка активно пропагандирует китайское руководство (в рамках Пекинского консенсуса, проекта ОПОП, ШОС и др.). Смогут ли страны – участницы ОПОП разделить китайскую мечту и получить выгоды от новой глобальной инфраструктуры и нового мирового порядка покажет время.

Как показало проведенное исследование, речь идет о достижении нового баланса между открытостью, системой безопасности и общественным порядком. Если Китай не откроет свои сектора экономики из негативного списка для иностранных инвесторов, включая образование, телекоммуникации, энергетику и финансы, он не сможет надеяться на то, что ЕС будет проводить политику открытых дверей. Анализ результатов китайских и американских исследований и характер переговоров в ходе торговой войны США – КНР доказывает, что КНР заблаговременно, еще до начала активной фазы противостояния, оценивала возможные последствия применения санкций со стороны США и была готова отстаивать свои интересы [12. – С. 62–80].

Россия со своей стороны выступает за сохранение мирового порядка на основе ключевой роли права. По словам президента Российской Федерации В. Путина, мировой порядок будет трансформироваться, но сохранится. Президент полагает, что другой путь чреват глобальными катастрофами практически для всего человечества. В то же время он подчеркивает, что практический смысл и ценность решений, претендующих

на глобальность и универсальность и при этом принятых без участия азиатских стран, весьма сомнительны¹.

На наш взгляд, происходящий процесс хаотизации глобального регулирования вполне естественен, имеет свою внутреннюю логику и определяется переходным характером современного развития мировой экономики. Как свидетельствует исторический опыт, глобальное расширение конкретной цивилизации всегда приводит к усилению ее политического влияния и попыткам распространить свою идеологию на другие национальные идентичности, что нередко заканчивается мировыми военными конфликтами. По мнению члена-корреспондента РАН Р. И. Хасбулатова, трудности в достижении скоординированной политики между национальными государствами, в том числе в рамках Всемирной торговой организации, во многом вызваны жесткой протекционистской политикой США и снижением роли равноправного межстранового диалога на наднациональном уровне, когда утеряно доверие между ведущими государствами мира [8. – С. 26–28].

В контексте проведенного исследования можно выделить ряд практических проблем, которые стоят перед Россией.

Первая – была обозначена нами в эпиграфе к данной статье и сводится к необходимости провести консолидацию общества перед решением крупных и важных задач. В работе Е. Шлапенко и С. Степановой подчеркивается, что интеграция сверху не может быть эффективна без опоры на интеграционные потребности граждан. И это хорошо понимают руководители КНР, обосновывая в своих многочисленных публичных речах необходимость построения Шелкового пути как дороги к достижению китайской мечты для каждого китайского гражданина [20. – С. 44]. К сожалению, в связи с низким уровнем популяризации среди широкого населения, особенно молодежи, такие проекты, как ЕАЭС, БРИКС, «Один пояс – один путь» воспринимаются в России как чисто политические и оторванные от текущих планов экономического развития, несмотря на то, что созданы и работают научные центры, где проходит активное обсуждение этих форматов – Национальный комитет Российской Федерации по исследованию БРИКС, Евразийский клуб МГИМО и др. Предлагается расширить деятельность этих структур в направлении проведения публичных дискуссий в различных массмедиа.

Второй проблемой может стать обострение конкуренции между российскими и китайскими производителями и инвесторами на рынках Большой Евразии в случае, если Россия будет удачно продвигать программы по импортозамещению и выводу продукции на зарубежные рынки. Тем не менее Китай не собирается отказываться от внешнего спроса как основного источника роста, возможно лишь снизит свою зависимость от рынка

¹ Путин рассчитывает на сохранение мирового порядка. XVI заседание клуба «ВАЛДАЙ» 3 октября 2019 года. URL: <https://tass.ru/politika/6960596>

США. Напротив, он планирует расширить торговую экспансию на рынках Европы и Азии, и особенно стран Европейского союза.

Третий блок проблем связан с получением взаимных выгод от российско-китайского сотрудничества, которые не могут достигаться автоматически, без необходимых усилий с обеих сторон. В качестве одного из примеров выделим роль оценки социальных и экологических рисков в проектах, реализуемых с участием китайских инвесторов на территории России, которые (риски) должны выявляться на начальных этапах проектирования, а не после их реализации. Так, по мнению И. Глазыриной, только один проект – строительство Транссибирской ГЭС на реке Шилка в Забайкальском крае – был отклонен по экологическим соображениям [4. – С. 39].

И наконец, предлагаемая стратегия ускоренного импортозамещения, включая вытеснение китайского импорта и строительство совместных с КНР предприятий, поднимет вопрос о защите прав на российскую интеллектуальную собственность и применении протекционистских мер поощрения национальных разработчиков технологий, что делает целесообразным изучение опыта создания эффективных институциональных барьеров на пути зарубежных инвестиций, разрабатываемых и применяемых в США и ЕС и, в частности, недавно принятого закона об отборе прямых инвестиций.

Список литературы

1. Акаев А. А., Садовничий В. А. Математическое моделирование и прогнозирование китайского мегапроекта «Один пояс – один путь» и его влияние на долгосрочное экономическое развитие Евросоюза, Китая и России. – М.: Учитель, 2018.
2. Арабские страны. Проблемы социально-экономического и общественно-политического развития: сборник статей / под ред. В. А. Исаева, А. О. Филоника. – М.: ИВ РАН, 1995.
3. Бубнова Н. И. Новая стратегия национальной безопасности администрации Д. Трампа // Россия и современный мир. – 2019. – № 1 (102). – С. 48–71.
4. Глазырина И. Экономический пояс Шелкового пути: экологические аспекты // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 34–42.
5. Игнатьев С., Луконин С. Инвестиционные связи Китая со странами Африки // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 10. – С. 5–12.
6. Кагарлицкий Б. Иммануил Валлерстайн – запоздалое прощание. – URL: http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/10/03/wallerstein_belated_farewell/

7. Мигалева Т. Е., Разумнова Л. Л., Пакин А. К. Конкуренция на европейском рынке газа // Управление экономическими системами [Электронный журнал]. – 2016. – № 12 (94).
8. Мировая экономика : в 2 ч. – Ч. 1 : учебник для вузов / под ред. Р. И. Хасбулатова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2019.
9. Молий Г. М., Акимов А. А., Разумнова Л. Л. ЕС на пути к новой стратегии инвестиционного сотрудничества с Китаем // Управление экономическими системами [электронный журнал]. – 2019. – № 4 (122).
10. Осьмова М. Н., Гусарова С. А., Гусаров В. А. Новый взгляд на определение интеграционного потенциала сотрудничества стран (на примере группы БРИКС // Экономические науки. – 2018. – № 2 (159). – С. 67–70.
11. Подберилина Г. В., Мигалева Т. Е. Социально-экономические проблемы и национальная безопасность стран Африки к югу от Сахары // Региональная экономика и управление [Электронный журнал]. – 2017. – № 1-1 (49). – С. 24–35.
12. Разумнова Л. Влияние реформ Д. Трампа на экономическую политику КНР. Китай в мировой экономике и международном бизнесе : монография / под ред. Р. И. Хасбулатова, С. В. Ивановой. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2019.
13. Разумнова Л. Л. Нефтяной фактор в экономическом развитии арабских государств: уроки эпохи низких цен. – М. : МАКС Пресс, 2006.
14. Разумнова Л. Л. Краткие итоги экономического развития КНР в 2018 г. // Научные исследования в современном мире: опыт, проблемы и перспективы развития : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (19 мая 2019 г.) : в 2 ч. – Ч. 1. – Уфа : НИЦ Вестник науки, 2019.
15. Россия: стратегия для нового мира : сборник докладов Международного дискуссионного клуба «Валдай» / под ред. С. А. Караганова. – М. : Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2011.
16. Фитуни Л. Соперничество в Африке // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 12. – С. 5–14.
17. Хасбулатов Р. И. Мегатренды в современном мире и новый американский глобальный экономический порядок // Мегатренды глобальной экономики и международного предпринимательства : сборник статей Международной научно-практической конференции / под ред. Р. И. Хасбулатова, С. В. Ивановой. – М. : ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г. В. Плеханова», 2018.
18. Чубаров И., Калашников Д. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 25–33.

19. Шенин С. «Шелковый путь» XXI века: дискуссии в США // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 9. – С. 60–70.

20. Шлапенко Е., Степанова С. Великий Шелковый путь и евразийская интеграция // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62. – № 1. – С. 43–52.

21. Chinese Investment in Europe: a Country-Level Approach / edited by J. Seaman, M. Huotari, M. Otero-Iglesias : a Report by the European Think-Tank Network on China (ETNC), 2017. – December 14.

22. Grant A. China's Double Body: Infrastructure Routes and the Mapping of China's Nation-State and Civilization-State // Eurasian Geography and Economics. – 2018. – Vol. 59. – Issue 3-4. – P. 378–407.

23. Hanemann T., Rosen D. H., Gao C. Two-Way Street 25 Years of US-China Direct Investment. – Washington, DC, 2016. – November 14.

24. Hanemann T., Huotari M., Kratz A. Chinese FDI in Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies : a Report by Rhodium Group (RHG) and the Mercator Institute for China Studies (MERICS), 2019. – March 3.

25. Lechner T. European Security and Autocratic Consolidation. – URL: <http://www.sant.ox.ac.uk/university-consortium/analysis/european-security-andautocratic-consolidation>

26. Naughton B. The General Secretary's Extended Reach: Xi Jinping Extends Economics and Politics // China Leadership Monitor. – 2017. – № 54, September.

27. Razumnova L. L., Migaleva T. E., Podbiralina G. V. «Soft Power» of the Shanghai Cooperation Organization // Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and integration : Materials of the International Conference. – Beijing, 2019. – February 26. – P. 24–35.

28. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 Establishing a Framework for the Screening of Foreign Direct Investments into the Union. – URL: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a37eb17a-1f0f-4ed3-8964-907982702610>; <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj?locale=en>

29. State of the Union 2017: Trade Package: European Commission Proposes Framework for Screening of Foreign Direct Investments : Press Release, 2017. – September 14. – URL: <http://europa.eu>

30. Tingyang Zhao. Huai Shijie Yanjiu: Zuowei Diyi Zhexuede Zhengzhi Zhexue = Investigations of the Bad World: Political Philosophy as the First Philosophy. – Beijing : Renmin University Press, 2009.

31. Zhang K. «Yi Dai Yi Lu» Tongjiang Kouan: Shouzuozhong E Yue Tong Tielu Daqiao Feijia Heilongjiang = «One Belt One Road»: Tongjiang Port: The First Chinese-Russian River 406, 2015. A Grant Spanning Railway Bridge

Arches over the Amur River. – URL: <http://www.yicai.com/images/2015/08/4665376.html>

32. Yang D. Etie Gongsu: Ouyatielu Shang Mangzhuang De 'Xiong Xiazi' = Russian Railway Company: Eurasian Railway's Reckless 'Blind Bear' // *Logistical Times*, 2015. – January.

33. Zhao T. Rethinking Empire from the Chinese Concept 'All-under-Heaven' (Tianxia, 天下). In *China Orders the World : Normative Soft Power and Foreign Policy* / edited by W. A. Callahan, E. Barabantseva, 21–36. – Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2012.

References

1. Akaev A. A., Sadovnichiy V. A. Matematicheskoe modelirovanie i prognozirovanie kitayskogo megaproekta «Odin poyas – odin put» i ego vliyaniye na dolgosrochnoe ekonomicheskoe razvitiye Evrosoyuza, Kitaya i Rossii [Mathematical Modeling and Forecasting of the Chinese Mega Project «One Belt – One Road» and its Impact on the Long-Term Economic wDevelopment of the European Union, China and Russia]. Moscow, Uchitel, 2018. (In Russ.).

2. Arabskie strany. Problemy sotsialno-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya [Arab Country. Problems of Socio-Economic and Socio-Political Development], sbornik statey, edited by V. A. Isaeva, A. O. Filonika. Moscow, IV RAN, 1995. (In Russ.).

3. Bubnova N. I. Novaya strategiya natsionalnoy bezopasnosti administratsii D. Trampa [Trump Administration's New National Security Strategy], *Rossiya i sovremennyy mir*, 2019, No. 1 (102), pp. 48–71. (In Russ.).

4. Glazyrina I. Ekonomicheskii poyas Shelkovogo puti: ekologicheskie aspekty [Economic Zone of the Silk Road: Environmental Aspects], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 1, pp 34–42. (In Russ.).

5. Ignatev S., Lukonin S. Investitsionnye svyazi Kitaya so stranami Afriki [Investment of China's Relations with African Countries], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 10, pp. 5–12. (In Russ.).

6. Kagarlitskiy B. Immanuel Vallerstayn – zapozdaloe proshchaniye [Boris Kagarlitsky. Immanuel Wallersteina Belated Farewell]. (In Russ.). – Available at: http://rabkor.ru/columns/editorial-columns/2019/10/03/wallerstein_belated_farewell/

7. Migaleva T. E., Razumnova L. L., Pakin A. K. Konkurentsia na evropeyskom rynke gaza [Competition in the European Gas Market], *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [e-resource], 2016, No. 12 (94). (In Russ.).

8. Mirovaya ekonomika [World Economy], in 2 part. Part 1, uchebnik dlya vuzov, edited by R. I. Hasbulatov. 2nd edition, pererab. i dop. Moscow, Yurayt, 2019. (In Russ.).

9. Moliy G. M., Akimov A. A., Razumnova L. L. ES na puti k novoy strategii investitsionnogo sotrudnichestva s Kitaem [EU on Track for New Investment Cooperation Strategy with China], *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami* [e-resource], 2019, No. 4 (122). (In Russ.).

10. Osmova M. N., Gusarova S. A., Gusarov V. A. Novyy vzglyad na opredelenie integratsionnogo potentsiala sotrudnichestva stran (na primere gruppy BRIKS [A New Look at the Definition of the Integration Potential of Cooperation between Countries (on the Example of the BRICS Group)], *Ekonomicheskie nauki*, 2018, No. 2 (159), pp. 67–70. (In Russ.).

11. Podbiralina G. V., Migaleva T. E. Sotsialno-ekonomicheskie problemy i natsionalnaya bezopasnost stran Afriki k yugu ot Sahary [Socio-Economic Problems and National Security of the Countries of Africa South of the Sahara], *Regionalnaya ekonomika i upravlenie* [e-resource], 2017, No. 1–1 (49), pp. 24–35. (In Russ.).

12. Razumnova L. Vliyanie reform D. Trampa na ekonomicheskuyu politiku KNR. Kitay v mirovoy ekonomike i mezhdunarodnom biznese [The Impact of D. Trump's Reforms on China's Economic Policy. China in the World Economy and International Business], monografiya, edited by. R. I. Hasbulatov, S. V. Ivanova. Moscow, 2019. (In Russ.).

13. Razumnova L. L. Neftyanyy faktor v ekonomicheskom razvitii arabskikh gosudarstv: uroki epohi nizkikh tsen [The Oil Factor in Arab Economic Development: Lessons from the Era of Low Prices]. Moscow, MAKS Press, 2006. (In Russ.).

14. Razumnova L. L. Kratkie itogi ekonomicheskogo razvitiya KNR v 2018 g. [Summary of China's economic development in 2018], *Nauchnye issledovaniya v sovremennom mire: opyt, problemy i perspektivy razvitiya* [Research in the Modern World: Experience, Problems and Prospects of Development], *sbornik statey po materialam Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii (19 may 2019 g.)*, in 2 part, part 1. Ufa, NITS Vestnik nauki, 2019. (In Russ.).

15. Rossiya: strategiya dlya novogo mira [Russia: Strategy for the New World], *sbornik dokladov Mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba «Valday»*, edited by S. A. Karaganov. Moscow, Natsionalnyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 2011. (In Russ.).

16. Fituni L. Sopernichestvo v Afrike [Rivalry in Africa], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 12, pp. 5–14. (In Russ.).

17. Hasbulatov R. I. Megatrendy v sovremennom mire i novyy amerikanskiy globalnyy ekonomicheskiy poryadok, *Megatrendy globalnoy ekonomiki i mezhdunarodnogo predprinimatel'stva* [Megatrends in the Modern World and the New American Global Economic Order], *sbornik statey Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, edited by R. I. Hasbulatov, S. V. Ivanova. Moscow, Plekhanov Russian University of Economics, 2018. (In Russ.).

18. Chubarov I., Kalashnikov D. «Odin poyas – odin put»: globalizatsiya po-kitayski [«Silk road» of the XXI Century: Discussions in the USA], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 25–33. (In Russ.).
19. Shenin S. «Shelkovyy put» HKHI veka: diskussii v SSHA [«Silk road» of the XXI Century: Discussions in the USA], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 9, pp. 60–70. (In Russ.).
20. Shlapenko E., Stepanova S. *Velikiy Shelkovyy put i evraziyskaya integratsiya* [The Great Silk Road and Eurasian Integration], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2018, Vol. 62, No. 1, pp. 43–52. (In Russ.).
21. Chinese Investment in Europe: a Country-Level Approach, edited by J. Seaman, M. Huotari, M. Otero-Iglesias. A Report by the European Think-Tank Network on China (ETNC), 2017. December 14.
22. Grant A. China's Double Body: Infrastructure Routes and the Mapping of China's Nation-State and Civilization-State, *Eurasian Geography and Economics*, 2018, Vol. 59, Issue 3–4, pp. 378–407.
23. Hanemann T., Rosen D. H., Gao C. Two-Way Street 25 Years of US-China Direct Investment. Washington, DC, 2016, November 14.
24. Hanemann T., Huotari M., Kratz A. Chinese FDI in Europe: 2018 Trends and Impact of New Screening Policies. A Report by Rhodium Group (RHG) and the Mercator Institute for China Studies (MERICS), 2019, March 3.
25. Lechner T. European Security and Autocratic Consolidation. Available at: <http://www.sant.ox.ac.uk/university-consortium/analysis/european-security-andautocratic-consolidation>
26. Naughton B. The General Secretary's Extended Reach: Xi Jinping Extends Economics and Politics, *China Leadership Monitor*, 2017, No. 54, September.
27. Razumnova L. L., Migaleva T. E, Podbiralina G. V. «Soft Power» of the Shanghai Cooperation Organization, *Scientific Research of the SCO Countries: Synergy and integration*, Materials of the International Conference. Beijing, 2019, February 26, pp. 24–35.
28. Regulation (EU) 2019/452 of the European Parliament and of the Council of 19 March 2019 Establishing a Framework for the Screening of Foreign Direct Investments into the Union. Available at: <https://www.lexology.com/library/detail.aspx?g=a37eb17a-1f0f-4ed3-8964-907982702610>; <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2019/452/oj?locale=en>
29. State of the Union 2017: Trade Package: European Commission Proposes Framework for Screening of Foreign Direct Investments, Press Release, 2017, September 14. Available at: <http://europa.eu>
30. Tingyang Zhao. *Huai Shijie Yanjiu: Zuowei Diyi Zhexuede Zhengzhi Zhaxue* = Investigations of the Bad World: Political Philosophy as the First Philosophy. Beijing : Renmin University Press, 2009.

31. Zhang K. «Yi Dai Yi Lu» Tongjiang Kouan: Shouzu Zhong E Yue Tong Tielu Daqiao Feijia Heilongjiang = «One Belt One Road»: Tongjiang Port: The First Chinese-Russian River 406, 2015. A Grant Spanning Railway Bridge Arches over the Amur River. Available at: <http://www.yicai.com/images/2015/08/4665376.html>

32. Yang D. Etie Gongs: Ouyatielu Shang Mangzhuang De 'Xiong Xiazi' = Russian Railway Company: Eurasian Railway's Reckless 'Blind Bear', *Logistical Times*, 2015, January.

33. Zhao T. Rethinking Empire from the Chinese Concept 'All-under-Heaven' (Tianxia, 天下). In *China Orders the World : Normative Soft Power and Foreign Policy*, edited by W. A. Callahan, E. Barabantseva, 21–36. Baltimore, MD, Johns Hopkins University Press, 2012.

Сведения об авторах

Людмила Львовна Разумнова
доктор экономических наук, профессор
кафедры социологии и управления
персоналом ФГБОУ ВО МАИ.
Адрес: ФГБОУ ВО Московский
авиационный институт
(национальный исследовательский
университет), 125993, Москва,
Волоколамское шоссе, д. 4.
E-mail: razumnova2003@yandex.ru

Татьяна Евгеньевна Мигалева
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
лаборатории «Динамика мировой
экономики» РЭУ им. Г. В. Плеханова.
Адрес: ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет имени
Г. В. Плеханова», 117997, Москва,
Стремянный пер., д. 36.
E-mail: migaleva08@rambler.ru

Information about the authors

Lyudmila L. Razumnova
Doctor of Economics, Professor
of the Department for Sociology and HR
Management of MAI.
Address: Moscow Aviation Institute
(National Research University),
4 Volokolamsk Highway, Moscow,
125993, Russian Federation.
E-mail: razumnova2003@yandex.ru

Tatyana E. Migaleva
PhD, Assistant Professor, Leading
Researcher of the laboratory
«Dynamics of the World Economies»
of the PRUE.
Address: Plekhanov Russian University
of Economics, 36 Stremyanny Lane,
Moscow, 117997, Russian Federation.
E-mail: migaleva08@rambler.ru